

О.А. Владимирова,
кандидат искусствоведения,
Череповецкое училище
искусств и художественных
ремесел им. В.В. Верещагина.
ЧГУ (Череповец)

Народные песни из сборника Ф.Н. Лаговского в контексте музыкальной культуры своего времени

Личность и многогранная деятельность Ф.Н. Лаговского (1850 – 1919), уже неоднократно привлекали внимание не только череповецких краеведов и историков, но и ученых, изучающих русский поэтический и музыкальный фольклор^{1,2,3}. В истории нашего города он известен как секретарь окружного суда, педагог, музыкант, собиратель народных песен, регент хора Воскресенского собора.

Лаговский как педагог много сделал для музыкального воспитания учащихся Череповца: более 30 лет проработал в Александровском техническом училище, где создал симфонический оркестр, вел хоровой кружок, ставил фрагменты из русских опер «Жизнь за царя» М.И. Глинки и «Аскольдова могила» А.Н. Верстовского. С 1874 по 1885 гг. вел пение в Череповецкой женской гимназии; преподавал пение и гимнастику в реальном училище и в учительской семинарии. Но до сих пор песни, записанные Федором Никаноровичем в 60 – 70-е годы XIX века подробно не изучены, а его подвижнический труд по собиранию фольклора не рассматривался в контексте художественной и музыкальной практики российской действительности того времени. Отчасти решению этих проблем и посвящен предлагаемый доклад.

Как известно, систематическое научное изучение географии, этнографии и статистики России началось только с 1845 года, когда император Николай I утвердил представление министра внутренних дел России графа Л.А. Перовского о создании в Санкт-Петербурге Русского Географического общества (РГО), впоследствии получившего статус Императорского. В 1848 году РГО разработало анкету, распространенную по всем губерниям страны. Полученные ответы легли в основу уникаль-

ного Архива Общества, содержащего наиболее полную информацию о быте и культуре народов Российской империи. До этого же времени соби­рание этнографических сведений находилось на любительском уровне, и было уделом немногих энтузиастов изучения народных культур.

Значительные перемены в российской жизни начала 60-х годов XIX века стали дополнительным стимулом возрастания интереса к народной жизни в кругах разночинной интеллигенции и либерального дворянства. В эти же годы начинается создание различных словарей гово­ров и диалектов народов, населяющих Россию. Наиболее известным и крупным из них стал Толковый словарь русского языка, собранный В.И. Далем (1 изд. – 1861-1868 гг., 2 изд. – 80-е годы XIX века). В 1871 г. публикуются «Онежские былины», собранные А.Ф. Гильфердингом, в 1872 – «Причитания Северного края», записанные Е.В. Барсовым. Этно­графические устремления захватили и новое тогда искусство фотографии – петербургский фотограф В.А. Каррик, по образованию художник, раз­рабатывая новые жанры художественной фотографии, увлекся съемками с натуры. С 60-х до середины 70-х гг. XIX века он создал целую галерею фотографий простых жителей, населяющих Петербург и ближайшие к нему Новгородскую губернию и Финляндию, а позже – и многие губернии Поволжья.

В интересующий нас период вышли в свет собрания народных песен М.А. Балакирева (1866) и Н.А. Римского-Корсакова (1876, 2 изд. – в 1882). Но часто композиторы записывали песни не от непосредственных носителей фольклора – крестьян, а по памяти или от своих знакомых. При записи на ноты напев песни обязательно подвергался обработке, что лишало ее этнографической точности и превращало в авторскую интерпретацию. Несколько позже, в 1879–1885 гг., появились сборники Ю.Н. Мельгунова «Русские народные песни, непосредственно с голо­сов народа записанные», где впервые предпринималась попытка вос­произведения подлинного крестьянского многоголосия.

Молодость Федора Никаноровича Лаговского пришлась как раз на 60-70-е гг. XIX века. И он вместе со многими своими современниками разделил свойственные тому времени духовные стремления и помыслы. Большую роль в определении его будущей судьбы сыграло происхождение: он был сыном дьякона в Галичском уезде Костромской губернии. А в те годы именно священники в небольших городах и деревнях были посредниками между простым народом и высокопоставленными классами общества. В большой семье Лаговских любили петь. С дет-

ства Федор услышал и узнал много народных песен. От природы он был очень музыкален: мальчиком его взяли в архиерейский хор и позднее, учась в Петербурге, он пел в церковных хорах, зарабатывая тем на жизнь.

Как представитель молодежи 70-х годов XIX века Лаговский не сразу определился с выбором профессии: сначала окончил духовное училище и поступил в духовную семинарию, но священником не стал. Учился на юридическом факультете Петербургского университета, но из-за недостатка материальных средств не получил диплома. Возможно, находясь в Петербурге, он брал частные уроки игры на скрипке и общался с профессиональными музыкантами и филологами-собираателями фольклора. Все это позволило ему подготовить рукопись «Ноты к сборнику народных песен, собранных Ф.Н. Лаговским», которая была издана в 1876 г. в Санкт-Петербурге. (В настоящее время находится в музыкальном отделе Российской национальной библиотеки (РНБ) в Санкт-Петербурге). В этом сборнике опубликованы более 100 песен, но полных словесных текстов нет.

Прибыв в наш город, Ф.Н. Лаговский в 1877 г. в Череповце в частной типографии И.А. Левикова на собственные средства издал полные тексты песен, которые дополнили ранее опубликованные с нотами в Петербурге. Сборник получил название: «Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губерний, собранные и положенные на ноты учителем пения при Череповецком техническом училище Федором Лаговским. Песни посиделочные, хороводные и плясовые. Вып. I». Но издание не вызвало интереса у череповецких обывателей; тираж оставался долгие годы не распроданным. Отдельные экземпляры этого издания находятся в РНБ Санкт-Петербурга.

По воспоминаниям младшей дочери Лаговского Веры Федоровны, ощутив разочарование из-за отсутствия интереса к его труду, отец перестал собирать народные песни, хотя им был подготовлен к печати и второй выпуск, который при жизни его так и не был опубликован. По свидетельству М.А. Лобанова², после смерти Лаговского эту рукопись переправили в Костромское научное общество и в 1923 году в «Трудах» общества ее опубликовали⁴. Но и эта акция по внедрению сборника в большую науку не имела успеха, хотя публикация состоялась уже при Советской власти.

Ф.Н. Лаговский – это типичный музыкант-самородок 70-х годов

XIX века, который благодаря собственному таланту и художественной интуиции смог постичь и предугадать некоторые будущие научные методы собирания народных песен. В его сборнике впервые в России народные песни снабжены указанием темпа исполнения по метроному, есть их паспортные данные, где указано место записи, фамилия, имя информанта и его социальный статус. Мелодии даны без аккомпанемента, сочиненного композитором. В опубликованных в Череповце полных текстах песен Лаговский поместил и небольшой словарь диалектных выражений с пояснениями. Впечатляет объем сделанного им труда по собиранию песен на протяжении жизни - в обоих выпусках было около 300 песенных мелодий! Для сравнения назовем количество песен в сборниках Балакирева - 40, и Римского-Корсакова - 100. Важно и то, что собранные Федором Никаноровичем песни не были сугубо теоретическим трудом - он включал их в школьную программу уроков пения. А настоящая научная работа по собиранию песенного фольклора в Русском Географическом обществе начнется только с 1886 г., когда впервые в истории музыкальной науки Песенная Комиссия отправится с фольклорной экспедицией на Русский Север - в Олонецкую, Вологодскую и Архангельскую губернии. Ее участниками были профессиональные музыканты Ф.М. Истомина и Г.О. Дютш.

Среди наиболее древних песен, записанных Лаговским, - 2 варианта хороводной песни-игры «А мы просо сеяли», сообщенные Романом Муховиным, воспитанником Череповецкого Александровского технического училища из деревни Рогачево Вологодской губернии (№№ 104 и 105). Они звучат в мажорном ладе, отличаются повторностью ритма и имеют характерную для хороводных песен мотивную структуру: АА□. Первая из них (№ 104) предполагает исполнение в довольно сдержанном темпе, вторая - более оживленная. Образцы подобных песен встречаются во многих сборниках XIX века. Дважды разные варианты этой песни использовались Н.А. Римским-Корсаковым в его операх (в «Майской ночи» и в «Снегурочке»).

Более поздняя по времени песня - «Не шей-ко ты мне, маменька, красный сарафан» (№46). Объяснить ее возникновение могут две версии. 1-ая: поскольку Лаговский записал песню в начале 70-х годов от «72-х летней старухи, бывшей дворовой помещиков Гальских Авдотьи Соколовой» (как сообщается в его сборнике, курсив наш - О.В.), то возможно, что эта песня является народной и была известна уже в начале XIX века. А потом на основе ее текста поэт Н. Цыганов создал стихи,

которые были положены на музыку в начале 30-х годов XIX века профессиональным композитором А. Варламовым. Песня-романс «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан», сразу же стала очень популярной в различных кругах русского общества и вызвала много подражаний в среде композиторов-любителей. В начале 40-х годов появились даже лубочные картинки, иллюстрирующие содержание песни. Именно эту мелодию как своеобразный символ России того времени ввел в свою виртуозную скрипичную пьесу «Воспоминание о Москве» польский композитор Г. Венявский.

Анализируя эти факты, можно выдвинуть 2-ю версию появления песни: повсеместно звучавший «Красный сарафан» мог привлечь внимание и людей простого сословия, которые придумали к полюбившимся словам свою мелодию. В этом случае песня Варламова-Цыганова, созданная ими по мотивам народных свадебных песен вернулась в народную среду и обрела там второе рождение. Удивительно то, что запись Ф.Н. Лаговского такого фольклорного образца оказалась в XIX веке единственной. Мелодия песни звучит в миноре, в отличие от светлой мажорной песни Варламова, в ней сохранились черты народных причитаний невесты перед свадьбой (настойчивое возвращение мелодии к одной трехзвучной начальной попевке). Каждая строфа заканчивается неустойчиво на доминантовой функции, требуя разрешения и продолжения песни.

От Авдотьи Соколовой записал Лаговский и песню «Сидел Ваня» (№ 49). Она исполняется в очень спокойном повествовательном темпе. Довольно сложная извилистая мелодия содержит много распевов, характерны «мерцания» VII ступени мажорного лада, дающие оттенки разных народных ладов – ионийского, миксолидийского, (а может, и фригийского, если рассматривать эту ступень как II низкую). В словесном тексте – характерные для протяжной песни повторы слов («на диване, на диване»; «табаку, табак») даны варианты имени главного героя («Ванюша» – «Ваня»).

Другой вариант этой песни записан от Романа Муховина (№ 52). По сравнению с предыдущим он проще, в мелодии ощущается опора на I и V ступени лада. Характерный для протяжных песен квинтовый или квартовый зачин многократно и изобретательно варьируется. Мажорное наклонение на протяжении песни не меняется. Возможно, по времени создания песня, сообщенная Муховиным, более поздняя, судя по ее тексту. Примечательно, что Лаговский единственный среди со-

бирателей сумел записать наиболее полный текст этой песни довольно фривольного содержания. В других фольклорных сборниках того времени приводится, как правило, только ее первая строфа⁵.

Песня «Сидел Ваня» была довольно широко распространена в различных регионах Российской империи: в Павловском посаде, Старой Тойде, на брянщине, Украине, в Белоруссии. Наиболее красивый и мелодичный ее вариант был записан П.И. Чайковским в селе Каменка, где было имение его сестры. Этот же вариант есть и в сборнике Н.А. Римского-Корсакова «100 русских народных песен», где сообщается: «Слышана в Киевской губернии от плотника (уроженца Калужской губернии)» [5, 37]. П.И. Чайковский гармонизовал эту песню и сделал переложение ее для фортепиано в 4 руки («Русские народные песни» № 47). Использовал он ее и в качестве темы *Andante cantabile* своего Первого квартета, написанного в 1871 году. Следует отметить, что эта музыка была одной из любимых у писателя Л.Н. Толстого и трогала его, по воспоминаниям близких, до слез.

Знакомясь с собранием песен Ф.Н. Лаговского, прикасаешься к огромному пласту народной музыкальной культуры, оставшемуся без внимания музыкантов-фольклористов и исполнителей. Думается, что настало время серьезного изучения этого труда и возвращения песен не только в учебную практику, но и в концертные выступления фольклорных коллективов.

¹ Шеляпина О., Меньшикова М. Труд Федора Лаговского.- Литературно-художественный историко-краеведческий «Московский журнал», № 8, 1993.

² Лобанов М.А. Семья Лаговских в музыкальной культуре и фольклористике // «Рябининские чтения» Материалы научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера / Отв. ред Иванова Т.Г. Петрозаводск, 2007. Метод доступа: <http://kizhi.karelia.ru/specialist/pub/library/tjabinin2007>.

³ Новикова А.М. Русская поэзия XVIII - первой половины XIX в. и народная песня: Учеб. Пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1982.

⁴ Смирнов В.И. Предисловие // Лаговский Ф.Н. Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губерний. Кострома, 1923. Вып.2.

⁵ Римский-Корсаков Н.А. Полное собрание сочинений. Т. 47. Музгиз, 1952. Песня № 14.

СОДЕРЖАНИЕ

А.В. Чернов. <i>Н.В. Верещагин и выставочное движение середины XIX – начала XX веков</i>	3
Н.И. Голикова. <i>Н.В. Верещагин и модернизация молочного дела в Вологодской губернии</i>	17
В.Н. Глухов. <i>Первая сыроварня в России</i>	22
А.В. Фомин. <i>Актуализация документации на Вологодское масло с учетом новых научных исследований</i>	25
Н.И. Виноградова. <i>Традиции в современном производстве молочных продуктов</i>	28
А.Е. Новиков. <i>«Странности» великого мастера</i>	30
А.Н. Егоров. <i>П.А. Столыпин и либеральная оппозиция: проблемы взаимоотношений</i>	38
З.В. Антонова. <i>Тема опиума в творчестве В.В. Верещагина</i>	49
О.А. Владимирова. <i>Народные песни из сборника Ф.Н. Лаговского в контексте музыкальной культуры своего времени</i>	55